

Майгунль
Аксельсон

Майнурль
Аксельссон

Апрельская
ведьма

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
А42

Серия «До шестнадцати и старше»

Majgull Axelsson
APRILHÄXAN

Перевод с шведского *Е. Чевкиной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Brombergs Bokförlag AB.

Аксельссон, Майгуль.
А42 Апрельская ведьма : [роман] / Майгуль Аксельссон ; [перевод с шведского Е. Чевкиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 576 с. — (До шестнадцати и старше).

ISBN 978-5-17-146923-8

Дезире с рождения прикована к больничной койке, она не может ни ходить, ни говорить. Но Дезире — Апрельская ведьма. Всеведущая и ясновидящая, она летает сквозь время и пространство. Дезире может увидеть чужую жизнь глазами птицы, обнять любимого чужими руками, узнать чужую тайну.

У Дезире есть сестры: Кристина — успешный врач, Маргарета — ученый-физик, Биргитта — алкоголичка и наркоманка. Они не знают о четвертой сестре, но она всегда рядом с ними.

«Я желаю узнать, кто из моих сестер украл предназначенную мне жизнь».

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-146923-8

© Majgull Axelsson, 1997
© Перевод. Е. Чевкина, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

*Эта история — целиком вымышленная. Разумеется,
есть в Вадстене и поликлиника, и приют, как есть
в Кируне Институт космической физики,
но упомянутые учреждения — вовсе не те, о которых
идет речь в этой книге.*

*Все люди и события тоже появились из моей головы,
хотя и не без некоторого содействия Рэя Брэдбери,
уже несколько десятков лет назад заставившего меня
задуматься об апрельском колдовстве
и апрельских ведьмах.*

Автор

ВОЛНЫ И ЧАСТИЦЫ

*Neutrinos they are very small
They have no charge and have no mass
And do not interact at all
The earth as just a silly ball
To them, through which they simply pass
Like dustmaids down a drafty hall
Oh photons through a sheet of glass...*

John Updike*

* Нет у нейтрино ничего,
Заряда нет, и массы нет,
Взаимодействий — нет и тех,
Земля ему — пустой орех,
Оно проходит сквозь него,
Как пыль сквозь щели между стрех,
Как сквозь стекло проходит свет...

Джон Апдайк

(Здесь и далее перевод стихов и примечания Е. Чевкиной.)

— Ты кто? — спросит сестра. Она восприимчивей остальных, она одна и ощущает иногда мое присутствие. Сейчас она похожа на птицу — стоит и, вытянув шею, вглядывается в сад. Поверх ночной рубашки накинут лишь серенький халатик, будто утренний заморозок ей нипочем. Халат распахнут, пояс сполз назад длинной петлей и лежит на ступеньке, словно контур прозрачного хвостового пера.

Резко повернув голову, она вслушивается в сад — ждет ответа. Не дождавшись, повторяет, уже иначе, испуганно и резко:

— Ты — кто?

От каждого выдоха в воздухе повисает белый плюмаж. Это очень ей идет. Она такая воздушная. Как дымка — это я уже тогда подумала, в первый раз, как ее увидела. В тот жаркий августовский день, еще за много лет до того, как я попала в пансионат временного пребывания. Хурбертссон распорядился, чтобы меня выкатили на улицу и оставили в тени большого клена — перед самым началом конференции врачей в зале заседаний. И будто случайно столкнулся на парковке с Кристиной Вульф и тоже будто случайно заставил ее пройти по тому самому га-

зону, где сидела я. Ее туфли-лодочки вязли в мягкой траве, и, выбравшись на гравий, она на минутку остановилась — посмотреть, не налипла ли земля на подошву. Только тут я заметила, что она в колготках, несмотря на жару. Опрятная блузка, юбка до колен и колготки — все в бело-серой гамме.

— Твоя старшая сестра — дамочка из тех, что моют руки с хлоркой, — указав на нее, сообщил Хубертссон.

Это было очень точное определение. Но недостаточное. Теперь, когда я увидела ее своими глазами, и цвет ее, и форма показались мне какими-то неопределенными, словно законы материи ее не касаются, словно она способна просочиться как дым сквозь закрытые окна и запертые двери. На мгновение мне показалось, что рука Хубертссона, попытавшегося поддержать ее, прошла через ее локоть насквозь.

Вообще-то ничего особенного тут нет. Мы часто забываем, что так называемые законы природы — это лишь наши собственные воззрения на действительность, чересчур сложную, чтобы ее постигнуть. Взять хоть то, что живем мы в облаке частиц, не имеющих массы, — фотонов и нейтрино. Или то, что всякая материя, даже человеческое тело, большей частью состоит из пустоты: относительное расстояние между атомными частицами столь же огромно, как расстояние от звезды до ее планет. Поверхность и твердость создают не сами частицы, а собирающее их воедино электромагнитное поле. К тому же квантовая физика учит нас, что мельчайшие элементы материи — не только частицы. А еще и волны. Причем и то и другое — в одно и то же время. К тому же некоторые из них обладают способностью находиться в нескольких местах одновременно. В течение микросекунды

электрон оказывается во всех возможных для него положениях, и все эти возможности для него в равной степени реальны.

Словом, все течет. Что, впрочем, давно известно.

С учетом этого не так уж и невероятно, что иные из нас могут нарушать физические законы. Но когда пальцы Хубертссона коснулись наконец Кристины, стоящей на одной ноге и разглядывающей подошву туфли, очертания ее тела снова стали четкими, как у остальных людей. Рука Хубертссона схватила ее за локоть и застыла в этой позиции.

С годами Кристина не стала менее прозрачной; по-прежнему кажется, что она в любой миг может раствориться, влившись в мешанину волн и частиц.

Только это, конечно, иллюзия. На самом деле Кристина — сгусток плотно сжатой человеческой материи. Даже слишком плотно.

Но вот ее электроны заняли иное положение. Сморгнув, она забывает обо мне и, запахнув халат, шлепает сапогами по раскисшему снегу на садовой дорожке — вперед, к почтовому ящику и утренним газетам.

Письмо лежит на самом дне ящика. При виде его легкая волна ужаса пробегает по ней, как ветерок по саду. Астрид, думает она и в тот же миг вспоминает, что Астрид умерла, что уже три года как ее нет. И успокаивается. Сунув газеты под мышку, она идет обратно в дом, так и сяк вертя в руках конверт. Она не смотрит под ноги.

И поэтому спотыкается о мертвую чайку.

В то же самое мгновение другая моя сестра открывает глаза в гостиничном номере в Гётеборге и у нее перехватывает дыхание. Она всегда так просыпается: пуга-

ется в первую секунду, пока не сообразит, кто она и где. Потом эта утренняя паника отступает, и уже снова наплывает дрема, и тут она спохватывается и тянется руками к потолку. Господи! Времени-то нет валяться! Ведь сегодняшний день, обычный четверг, она употребит на то, чтобы пройти по собственным следам. А *walk down Memory Lane**. Однажды она уже хаживала этой дорожкой — но очень давно.

Маргарета садится на постель и нашаривает сигареты. От первой затяжки ее пробирает дрожь — возникает чувство, что кожа вдруг становится велика и отстает на несколько миллиметров от остального тела. Она смотрит на свои руки — голые, бледные, жилистые. Свою единственную ночную сорочку она забыла дома у Класа...

Для завязтой курильщицы Маргарета слишком любит свежий воздух. Завернувшись в одеяло, она бредет к окну и открывает фрамугу. А потом долго стоит на сквозняке, глядя на серо-свинцовую раннюю весну.

Нигде в Швеции больше нет такого тусклого света, только в Гётеборге, думает она. Привычная, давно знакомая мысль, так утешавшая ее там, дома, в гнетущем мраке Кируны. Все-таки ей повезло. Она вполне могла бы остаться на всю жизнь под этим металлическим небом Гётеборга, если бы не одна случайность. Одна случайность в Тануме.

Маргарета затягивается, с удовольствием пуская дым сквозь улыбающиеся губы. Сегодня она проведает Танум. Впервые за два с лишним десятка лет вернется в это место, определившее весь ход ее взрослой жизни.

* Прогулка по переулку Памяти (*англ.*) — неточная цитата из стихотворения Б. Дж. де Силва.

Тогда ей, студентке-археологине, едва стукнуло двадцать три, и все то жаркое лето она копала поросший вереском песок, просеивала его и счищала, высвобождая древний рунический камень, а внутри нее все это время словно вибрировала туго натянутая струна ожидания. Струна эта пела о Флеминге, датском профессоре с глубоким низким голосом и узкими глазами. На тот момент Маргарета уже имела, как бы помягче выразиться, известный опыт общения с немолодыми мужчинами и пустила в ход все знакомые ей приемы и хитрости. Потупив взгляд, она поправляла волосы, стоило ему посмотреть в ее сторону, ходила, выставив вперед грудь и покачивая бедрами, а в перерывах, за кофе, на каждую его шутку отзывалась грудным смехом.

Поначалу это его скорее пугало. Он явно искал ее общества, улыбался, когда она улыбалась, и смеялся вместе с ней. Однако никаких инициатив не проявлял. Вместо этого все чаще, кстати и некстати, упоминал о своей жене и детях, о собственном возрасте и обязанностях. Но Маргарета не сдавалась. Характера ей и тогда уже было не занимать, и чем чаще прибегал он к подобным отговоркам, тем сильнее и неотступнее она притягивала к себе его взгляд. Ты будешь мой!

Правда, зачем он ей, она толком не знала.

Он переспит с ней, само собой. Лежа вечерами в палатке, она воображала, как он обнимает ее одной рукой за талию, а другой расстегивает ширинку. Он дрожит, пальцы его не слушаются, но помочь ему она не станет, нет, наоборот, чтобы помешать, она прижмет к нему, тихонько вращая бедрами. А уж когда ширинка будет расстегнута, ее рука сама собой скользнет туда и найдет его оживающую плоть, и та набухнет и напряжется бесфор-

менной глыбой под белыми хлопчатыми трусами, а потом ее блуждающие пальцы двинутся дальше, легкие и трепещущие, словно мотыльки.

Но завести его — это только путь, а не цель пути. Маргарета подозревала, что ей вполне хватило бы одного сознания, удовлетворенного тщеславия — что она сумела вызвать у Флеминга ответное вождение, но ей было уже все равно. В ней зияла некая пустота, жаждавшая заполнения, — и она заполнится, Маргарета была уверена в этом, когда оба упадут в вереск, окутанные летней ночью. Тогда Флеминг что-то такое скажет или сделает — этого она уже не знала, — и это что-то навсегда заполнит все пустоты ее тела. После чего она сможет наконец жить спокойно — наполненная навсегда.

В конце концов это случилось. Как-то вечером Флеминг положил ей руку на талию и принялся растегивать брюки. Пальцы Маргареты сомкнулись вокруг его набухшей плоти, и ее напряженное вождение разрядилось от одного лишь предвкушения, едва они оба повалились в вереск. Следом разрядился Флеминг. Так все и кончилось — ему было больше нечем ее наполнить. Тяжесть его тела, только что желанная и многообещающая, сделалась давящей и даже опасной. Она отпихнула его в сторону и с облегчением вздохнула. Он не реагировал, лишь что-то пробурчал и повернулся на спину. И через миг крепко спал, примяв цветущий вереск.

В ту пору Маргарета не смогла бы объяснить, как это могло случиться — что она встала и ушла. В ее характере было бы как раз остаться, уткнувшись ему в подмышку, и потом несколько месяцев кряду радоваться тем крохам,

что ей перепали, и только после начать мечтать о более лакомых кусочках. Но тогда от горечи разочарования сводило скулы, и она, натянув шорты, пошла прочь. И брела без оглядки неведомо куда, прочь от раскопа и лагеря — навстречу чему-то иному.

— Дуреха, — утешает себя Маргарета, стоя у открытого окна двадцать пять лет спустя. И выпрастывает руку из одеяла — словно пытаюсь сквозь годы дотянуться до той измученной пустотой девчонки, бесцельно бредущей по вереснякам Танума. Однако тут же замечает свой неосознанный жест и, прервав движение руки на полпути, меняет его направление — руке придется теперь вынуть изо рта сигарету и загасить окурочек.

Будучи физиком, Маргарета относится к современной физике с некоторой опаской. Иногда ей кажется, что понятия времени, пространства и материи растекаются прямо на глазах — а значит, надо набросить узду на разыгравшуюся фантазию, внушив себе, что с чисто человеческой точки зрения ровным счетом ничего не изменилось. Ведь тут, на земле, материя по-прежнему тверда и надежна, а время — все тот же поток, текущий от начала жизни к ее концу. Это только в теории время иллюзорно, уговаривает она себя. Для человека оно реально, а потому не безумие ли — пытаться протянуть руку в прошлое? Чтобы, к примеру, утешить самое себя двадцатипятилетней давности.

Она с грохотом захлопывает окно и задергивает шторы. Одеяло падает на пол. Она потягивается. Теперь принять душ, накраситься, а потом — стогнать на разбитой машине Класа сперва в Танум, оттуда в Муталу и наконец добраться до Стокгольма. Не зря она изнывала на этой занудной конференции. Зато можно на неделю удрать из